

Василий Верещагин

**Иван Николаевич
Крамской**

Василий Васильевич Верещагин Иван Николаевич Крамской

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22551945

Аннотация

«С насупленными бровями и наморщенным лбом, всегда резонировавший в речи и живописи, Крамской был все-таки симпатичен и своею любовью к труду, и своими попытками „смотреть в глубь вещей“. Человеку, учившемуся не на медные гроши, часто было тяжело выслушивать его доморощенную философию, которую я называл, не стесняясь, „дьячковскою“...»

Содержание

Василий Верещагин Иван Николаевич Крамской

1

К его характеристике

С насупленными бровями и наморщенным лбом, всегда резонировавший в речи и живописи, Крамской был все-таки симпатичен и своею любовью к труду, и своими попытками «смотреть в глубь вещей». Человеку, учившемуся не на медные гроши, часто было тяжело выслушивать его доморощенную философию, которую я называл, не стесняясь, «дьячковскою»². После нескольких атак свежечитанными заключениями Крамской обыкновенно ретировался от меня со словами:

– Вишь ты, – к вам и не подступишься!

¹ Крамской И. Н. (1837–1887) – выдающийся русский художник, педагог, теоретик искусства, идейный вождь Товарищества передвижных художественных выставок.

² ...его доморощенную философию... – Крамской, выходец из семьи мелкого чиновника, не получил систематического образования. До поступления в 1857 г. в Академию художеств он окончил уездное училище, работал писцом, подмастерьем у иконописца, ретушером у странствующего художника.

Как-то в Париже, под впечатлением прочитанной книги, он стал уверять, что чувства наши, может быть, обманывают нас и все существующее, в сущности, может быть, вовсе не существует...

– Да мостовая-то, по которой мы с вами теперь идем, существует или не существует, как по-вашему? – спросил я его.

– А почему знать, может быть, и это обман чувств...

– Ну, так вам нужны холодные души!³

Однако, несмотря на частые пререкания этого рода, мы перестали видеться лишь в последние 6–7 лет его жизни, когда он стал очень тяжел и скучен, вероятно, под влиянием своей болезни. Помню, мне случалось часто бесцеремонно критиковать работы Крамского, говорить, что он пишет картины по-аптекаерски, отпуская краски крохотными дозами и лепя рядом на лице в одном и том же заведенном им порядке розовый, желтый, зеленоватый, рыжий и другие тона; мне случалось говорить, что он рассуждает, как мудреный дьячок, и что Г. прав, уверяя, что «Крамской добрый малый, но с недостатком: как ступит шаг, так и начинает артезианский колодезь рыть». Все это услужливые люди, разумеется, с добавлениями, переносили ему, и после неудачи еще с моим портретом милейший К. рассердился на меня так, как только может рассердиться безнадежно больной человек на здорового, и отступившийся от прежнего идеала художник на

³ ...нужны холодные души... – холодный душ применялся как средство лечения душевной болезни, меланхолии.

смело несущего его вперед собрата.

В. В. Верещагин. Портрет работы И. Н. Крамского

Крамской был старше меня по классам Академии; он почти кончал академическое образование, когда я начинал его; помню, он обращал на себя внимание своим правильным рисунком, хотя уже и в то время сказывался у него недостаток чутья к краскам – сильные, правильные рисунки его делались иногда на белом фоне, что мне резало глаз.

Обладая недюжинным дарованием, он написал много очень похожих портретов, но не произвел ни одной из ряду вон выходящей картины. Лучшею из его картин я считаю «*Неутешное горе*»⁴. Несмотря на то, что тут выставленные «воспоминания» азбучны, фигура женщины очень хороша и выразительна. «*Христос в пустыне*»⁵ много ниже: мне, бывшему в Палестине и изучившему страну и людей, непонятна эта фигура в цветной суконной одежде, в какой-то крымской, но никак уж не палестинской, пустыне, с мускулами и жилами, натянутыми до такой степени, что, конечно, ника-

⁴ «*Неутешное горе*» – одна из лучших картин в русской живописи 80-х гг. XIX в., закончена Крамским в 1884 г.; замысел картины был связан со смертью сына художника.

⁵ «*Христос в пустыне*» – во многом под воздействием А. Иванова Крамской обращается к теме Христа. Первые эскизы к картине были сделаны в начале 60-х гг., художник пытался также вылепить голову Христа из глины. Завершено полотно в 1872 г. В 1871 г. Крамской действительно ездил в Крым, в окрестности Бахчисарая, чтобы получить представление о палестинской пустыне...

кой натурщик не выдерживал такой «позы» более одной минуты. Да и что за ребяческое представление о напряжении мысли, сказывающемся напряжением мускулов!

Типы Крамского из простонародия хороши, но, например, типы в картине «*Русалки*»⁶ не выдерживают самого снисходительного разбора.

Портреты очень хороши, не красками, по большей части фиолетовыми и как-то аптечно разноцветными, а сходством, действительно иногда поразительным. Я не знаю у нас другого художника, который так схватывал бы характер лица. Даже портреты *Ретина*, много превосходя силою красок, пожалуй, уступают силою передачи выражения индивидуальности.

Что касается того большого полотна, над которым Крамской трудился 15 лет, в которое вложил свои лучшие силы и сокровеннейшие помыслы, то надобно прямо сказать, что оно ниже критики⁷.

Крамской просто срезался на серьезнейшем труде своей жизни и на невозможном фоне каких-то фантастических зданий явил (после стольких лет ожидания) не написанную, а вымученную голову Христа, не только плохо исполненную, но, страшно сказать, банальную, вылитый портрет пошло-

⁶ «*Русалки*» – известная картина Крамского «Майская ночь» («Русалки») была написана на мотивы одноименной повести Н. В. Гоголя в 1871 г.

⁷ ...большого полотна, над которым Крамской трудился 15 лет... – возможно, имеется в виду картина «Хохот», которую художник писал в последние годы жизни, начиная с 1874 г.

красивого тенора Николини! То же убийственное выражение в этой голове и на эскизах, и на скульптурных попытках, варварски раскрашенных самим художником.

Ошибка громадная, непоправимая, которую Крамской должен был чувствовать, и которая, вероятно, прибавила немало горечи характеру впечатлительного художника, равшегося сказать свое слово в искусстве, но задавленного урочным трудом, недостатком научного образования и тяжелым хроническим недугом.

* * *

Я познакомился с Крамским в 1874 году, по открытии моей Туркестанской выставки⁸, когда он восторженно отнесся к моим работам. Письмо его о моих картинах, делающее честь искренности его порыва, не знаю почему не напечатано между другими его письмами. Мы встречались затем хотя изредка, но весьма сердечно. Помню, он немного обиделся, когда в Париже не мог попасть в мою мастерскую, полную тогда и этюдов, исполненных в Индии, и больших полотен новоначатых работ. Он говорил о сбитых у меня в кучу свернутых полотнах и прочем с моего голоса – я не показывал ему ни-

⁸ ...в 1874 г., по открытии моей Туркестанской выставки... – Выставка туркестанских картин Верещагина открылась в Петербурге 7(19) марта 1874 г., на ней было представлено свыше 120 картин и этюдов маслом и столько же рисунков из походных альбомов художника.

чего, несмотря на настойчивые просьбы, и это просто потому, что вообще не люблю показывать кому бы то ни было начатые, не выяснившиеся и для самого себя, работы.

Еще тогда Крамской предлагал мне написать портрет мой, но я отклонил, зная по опыту, что обещание кончить в один или два сеанса обыкновенно не сдерживается и надобно потерять 4, 5, 6 дней.

После выставки моей в Петербурге в 1880 году он снова просил позволения написать мой портрет, и так настойчиво, что я обещал сидеть, как только выберу время; вышло, однако, что мне пришлось, наскоро собравшись, уехать из Питера, и я письменно извинился перед Крамским, обещая высидеть в другой раз.

В 1883 году я выбрал, наконец, время для этого злополучного портрета и приехал в мастерскую Крамского. Первый сеанс затянулся страшно долго; огонь в камине давно уже погас и в мастерской сделалось холодно, а Крамской все просил посидеть еще, «еще немножко», «еще четверть часика», «минуточку»! Я страшно передрог и лишь добрался до гостиницы, как меня схватил сильнейший припадок азиатской лихорадки. Помню, что в продолжение всей ночи у меня было лишь одно желание – позвонить, позвать слугу, но я не мог этого сделать, потому что всякое малейшее движение вызывало самую жгучую дрожь. Только люди, страдавшие 25 лет сряду восточную, перемежающуюся лихорадку, могут понять это удовольствие. Когда после нескольких дней бо-

лезни я случайно встретился с Крамским и рассказал о том, что случилось, он, кажется, даже не поверил и по обыкновению пустился рассуждать о влиянии тепла и холода на организм... даже досада меня взяла!

Вскоре он написал мне, прося привезти с собою несколько индейских вещей, индейский ковер, если можно, так как намеревался-де представить меня на индейском фоне с пледом на руке и проч, – очевидно, он сам был заинтересован и меня хотел заинтересовать портретом. Но я решил, что больше калачами меня не заманишь – и не поехал вовсе. Тут мой Крамской рассердился по всем правилам: «и невежа-то, и обманщик, и мазилка-то я», даже сочинил на меня безыменную статью для одной большой газеты...

«Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно»⁹.

И спал, и видел бедный Крамской если не картинами, то хоть портретами, заслужить европейскую известность; немало предположений его в этом смысле я выслушал и, по мере сил и умения, направил – не выгорело, и давай финтить: «я, дескать, не то, что другие, я не ищу известности, не гонюсь за славою...» Дурная, не искренняя черта в талантливом и неглупом художнике!

Р. С. Рассказ Крамского о *Ледакове* в своем роде маленький перл, который был бы более невинен, если бы не был адресован к художественному критику. Ледаков мой товарищ

⁹ ...Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно... – цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «А. О. Смирновой» (1840).

по Академии; мы вместе писали и рисовали в натурном классе. Не видевшись с ним 15 лет, я, естественно, пожал ему руку и поболтал с ним о прошлом и настоящем. Что может быть проще и натуральнее этого? Если бы мы были прежде более близки, то, вероятно, обнялись бы и облобызались – вот был бы Крамскому предмет для глубоких выводов!